

Сопоставительный анализ коллокаций в английском, русском и узбекском языках

Рахманова Нилуфар Баходировна

Кафедра мировых языков, Кокандский университет

n.rahamanova@kokanduni.uz

Аннотация

Коллокации — устойчивые, но не полностью идиоматические сочетания слов, которые являются одним из ключевых механизмов естественной речи и одновременно одной из наиболее проблемных зон для изучающих язык и переводчиков. Цель статьи — выявить типологически обусловленные различия в коллокационной сочетаемости английского, русского и узбекского языков и описать основные типы межъязыковой эквивалентности коллокаций. Исследование опирается на сопоставительный анализ корпусных выборок и лексикографических источников; коллокации классифицируются по структурным моделям (V+N, Adj+N и др.), а межъязыковые соответствия — по шкале «полная / частичная / нулевая эквивалентность». Результаты показывают, что английский язык демонстрирует высокую продуктивность «легких» глаголов (make, take, have) и предлоговых связей, русский — тенденцию к глагольной номинации с аспектуальностью и управлением падежом, узбекский — доминирование аналитико-агглютинативных конструкций, в том числе моделей с вспомогательными глаголами (qilmoq, bermoq, ko'rsatmoq) и послеложными/аффиксальными средствами связи. Обсуждаются последствия для перевода и преподавания: интерференционные ошибки чаще всего связаны с буквальным калькированием, неверным выбором глагола-опоры и нарушением управления/послеложного оформления.

Ключевые слова: коллокация, сочетаемость, контрастивная лингвистика, английский язык, русский язык, узбекский язык, перевод, интерференция, корпусный анализ.

Введение. В современной лингвистике коллокации рассматриваются как промежуточная зона между свободными словосочетаниями и фразеологизмами: значение сочетания в целом, как правило, выводимо из значений компонентов, но выбор конкретного партнёра по сочетаемости ограничен нормой языка. Например, англ. *make a decision* «принять решение» не равно механической сумме *make + decision* в том смысле, что при переводе на русский естественным партнёром для *решение* выступает глагол *принять*, а не *сделать*. Подобные «выборочные ограничения» формируют ощущение естественности речи и служат маркером высокого владения языком.

Для сопоставительной лингвистики коллокации особенно ценны по трем причинам. Во-первых, они отражают

взаимодействие лексической семантики, синтаксиса и культурно-прагматических норм (например, типичные «глаголы действия» для чай/*tea/choy* различаются). Во-вторых, коллокации являются частотным источником ошибок у изучающих языки: интерференция проявляется не в грамматике как таковой, а в «неестественном выборе слов» при формально правильной конструкции. В-третьих, именно коллокации определяют качество перевода: буквальная подстановка слов часто дает грамматически корректный, но стилистически некорректный текст. Цель исследования — описать типологические различия коллокационной сочетаемости в английском, русском и узбекском языках и выделить основные типы

межъязыковой
коллокаций.

Материалы и методы. В данной работе коллокация рассматривается как узуально закреплённая совместимость слов, которая находится между свободным сочетанием и фразеологической единицей. Это промежуточное положение принципиально: с одной стороны, смысл сочетания в целом обычно выводим из смыслов компонентов; с другой — выбор партнёра не произволен, а регулируется статистическими предпочтениями и нормой речевой практики (узусом).

Такой взгляд согласуется с двумя влиятельными традициями:

корпусно-узуальная линия (в духе идеи “значение проявляется в употреблении”): коллокация — это устойчивый паттерн совместной встречаемости, где важны частотность, типичность контекста и повторяемость; лексико-фразеологическая линия, где коллокации понимаются как “полуготовые” элементы лексикона, обслуживающие речевую автоматизацию, стилистическую естественность и жанровую норму.

Для сопоставительного анализа особенно продуктивна идея о том, что коллокационность имеет градуальный характер: некоторые сочетания почти свободны, другие близки к идиомам, но большинство занимает “середину шкалы”. Это позволяет избегать ложной бинарности “есть/нет коллокации” и описывать межъязыковую эквивалентность более реалистично.

Сопоставление именно этих трёх языков важно типологически. Английский тяготеет к аналитическим средствам и активно использует служебные глаголы-опоры и предлоги; русский обладает развитой падежной системой и аспектуальностью, что усиливает роль управления и вида в норме

сочетаемости; узбек как агглютинативный язык широко применяет аналитические конструкции с опорным именем и вспомогательным глаголом (*qilmoq*, *bermoq*, *ko'rsatmoq*, *chiqarmoq* и др.), а также морфологические показатели связи. В таком наборе языков коллокации выступают как “лакмусовая бумага” того, как грамматика направляет лексику: не только “что сказать”, но и “каким типичным способом это обычно говорится”.

Материал формировался по принципу триангуляции (сопоставление разных типов источников), что повышает надёжность наблюдений:

корпусные контексты (для проверки узуальности и регистровой нормы); словари сочетаемости и толковые словари (как фиксация нормы и её интерпретации); переводные соответствия (как проверка реального межъязыкового “выбора” в практике).

Отбор осуществлялся не по принципу “самых ярких примеров”, а по принципу репрезентативности: брались сочетания из разных тематических доменов (повседневность, академическая речь, деловой стиль), которые демонстрируют устойчивые модели и повторяющиеся “точки расхождения” при переводе.

Чтобы сопоставление не распалось на набор случайных примеров, мы фиксировали параметры коллокаций на трёх уровнях:

структурный уровень (модель типа V+N, Adj+N, V+Prep+N и т.п.);

валентностно-грамматический уровень (предлог/падеж/аффиксальная связь, тип управления, допустимые вариации);

лексико-семантический уровень (какой компонент “ведущий”: глагол-опора, имя события, оценочный адъектив; присутствует ли семантическая просодия — склонность к

положительной/отрицательной окраске контекста).

Отдельно использовалась шкала межъязыковой эквивалентности: полная / частичная / нулевая, где “нулевая” понимается не как “невозможность перевода”, а как необходимость перекодирования: перестройки грамматики, выбора другой концептуализации или перехода к описательной форме.

Результаты. Первый устойчивый результат сопоставления заключается в том, что в английском, русском и узбекском языках различается не столько набор тем, которые “любят” коллокации, сколько механизм опоры, то есть то, на чём держится естественность высказывания.

В английском часто наблюдается десемантизация опорного глагола: смысл “события” переносится на существительное (*make a decision, take responsibility, have an impact*), тогда как глагол обеспечивает грамматическую упаковку и типичность.

В русском, напротив, глагол чаще сохраняет более плотную семантику и задаёт норму через управление и вид (*принять решение, нести ответственность, оказать влияние*).

В узбекском заметна высокая регулярность аналитических конструкций типа “имя + вспомогательный глагол”, где коллокационная норма закрепляет выбор конкретного вспомогательного глагола (*qaror qabul qilmoq, ta'sir ko'rsatmoq, xulosa chiqarmoq*). Здесь “опорность” распределяется между именем и вспомогательным компонентом.

С теоретической точки зрения это подтверждает: коллокации нельзя описывать только как “любимые пары слов”. Они являются **сигналом того**, как язык предпочитает кодировать событие:

через имя события (англ.), через глагольную предикацию с управлением (рус.) или через аналитико-морфологическую упаковку (узб.).

Второй результат — системная связь между коллокациями и грамматическими средствами связи:

в английском коллокационная “правильность” часто завязана на предлоге (*depend on, focus on, contribute to*), где предлог является частью нормы, а замена приводит к неестественности;

в русском ключевым оказывается падежное управление (не только лексический выбор, но и рамка: *влияние на, зависеть от, бороться с*);

Это наблюдение важно теоретически: коллокация — явление не чисто лексическое, а лексико-грамматическое, потому что “обычная совместимость” закрепляется в типичных грамматических оболочках.

Третий результат — распределение типов эквивалентности. Наиболее частотной оказалась частичная эквивалентность, и это закономерно: разные языки редко совпадают именно в той точке, где лексика встречается с грамматикой.

(глагол-опора vs “плотный” глагол vs аналитическая конструкция).

Нулевая эквивалентность появляется, когда коллокация опирается на специфическую концептуализацию или жанровую “формулу”, и тогда перевод требует перестройки, а не подстановки.

Иными словами, межъязыковая эквивалентность коллокаций — это не “удача или неудача переводчика”, а проявление того, что коллокации встроены в разные модели номинации.

Обсуждение: Полученные результаты поддерживают взгляд на коллокации как на феномен, возникающий из трёх источников одновременно:

узус (привычка сообщества говорить именно так, а не иначе);

валентностная организация (какие роли и связи “ожидает” слово и как язык оформляет эти ожидания);

когнитивная схемность (какие концептуальные опоры язык предпочитает: “делать решение”, “принимать решение”, “решение принимать” как культурно закреплённые способы мыслить и говорить об одном событии).

Отсюда следует важный вывод: коллокации не стоит представлять студентам как “просто списки”. Их полезнее описывать как устойчивые схемы кодирования — своего рода “шаблоны нормальной речи”.

С точки зрения контрастивной лингвистики буквальный перевод ломается не потому, что он “ошибочный”, а потому что он переносит в язык перевода чужую опорную стратегию. Когда англоязычная модель “легкий глагол + имя события” переносится в русский без перестройки, получается грамматически возможная, но узально слабая конструкция. Аналогично, если русское управление переносится в английский “как падеж”, возникают ошибки в предлогах. В узбекском же

часто страдает распределение аффиксов/падежных показателей, потому что переводчик удерживает в голове русскую рамку.

Это объясняет и типичную “интуицию носителя”: носитель чаще всего реагирует не на “смысл” (он понятен), а на нарушение ожидаемого шаблона.

Для переводоведения эти данные важны тем, что коллокации можно трактовать как единицы операционального уровня перевода: переводчик работает не со словами по отдельности, а с “пакетами” совместимости. Чем абстрактнее значение и чем институциональнее стиль (академический/официальный), тем сильнее роль коллокационных пакетов.

Для методики преподавания иностранного языка отсюда следует принцип: коллокационная компетенция формируется быстрее, когда обучение опирается на замечание и шаблонность. Студенту важно не только “знать слово”, но и усвоить, какой типичный партнёр и какая грамматическая оболочка являются нормой. В трилингвальной аудитории (англ.–рус.–узб.) особенно полезен сопоставительный ракурс: он делает интерференцию не “ошибкой характера”, а предсказуемым эффектом разных систем.

Заключение. Сопоставительный анализ показал, что коллокации в английском, русском и узбекском языках демонстрируют как общие универсальные модели ($Adj+N$, $V+N$), так и системные различия, обусловленные грамматическим строем и лексико-семантическими предпочтениями языков. Наиболее частотным типом межъязыкового соответствия является частичная эквивалентность, когда совпадает смысл, но различаются опорные компоненты и грамматическое оформление. Основные зоны риска для изучающих языки и переводчиков

связаны с калькированием, ошибками управления/предлогов/аффиксов и регистровыми несоответствиями. Практическая ценность исследования заключается в том, что оно предлагает основу для контрастивных коллокационных списков и упражнений, повышающих естественность речи и качество перевода.

Ограничения исследования: в статье использованы преимущественно типичные примеры и обобщенные корпусные наблюдения; дальнейшая работа предполагает расширение эмпирической базы и количественную верификацию (частотность, ассоциативные меры, жанровая дифференциация).

Список литературы:

Benson M., Benson E., Ilson R. The BBI Combinatory Dictionary of English. Amsterdam: John Benjamins, 1986.

Cowie A. P. (ed.). Phraseology: Theory, Analysis, and Applications. Oxford: Clarendon Press, 1994.

Firth J. R. Papers in Linguistics 1934–1951. London: Oxford University Press, 1957.

Rahmonova, N. (2024). TEACHER UNDERSTANDING, RECOGNIZING LEARNING CHALLENGES, AND EMPLOYING EFFECTIVE INSTRUCTIONAL TECHNIQUES TO ENHANCE ENGLISH GRAMMAR PROFICIENCY. University Research Base, 875–879. Retrieved from <https://scholar.kokanduni.uz/index.php/rb/article/view/746>

Nilufar Rahmonova. (2024). TEACHING ENGLISH THROUGH LITERATURE AND CONNECTING WITH LANGUAGE TEACHING. University Research Base, 224–229. Retrieved from <https://scholar.kokanduni.uz/index.php/rb/article/view/316>

Hausmann F. J. Kollokationen im deutschen Wörterbuch. In: Wörterbücher. Berlin: de Gruyter, 1985.

Lewis M. Teaching Collocation: Further Developments in the Lexical Approach. Hove: LTP, 2000.

Mel'čuk I. Lexical Functions: A Tool for the Description of Lexical Relations in a Lexicon. In: Lexical Functions in Lexicography and Natural Language Processing. 1995.

Nesselhauf N. Collocations in a Learner Corpus. Amsterdam: John Benjamins, 2005.

Sinclair J. Corpus, Concordance, Collocation. Oxford: Oxford University Press, 1991.

Wray A. Formulaic Language and the Lexicon. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Рахматуллаев Ш. Ўзбек тили фразеологияси масалалари (монография). Тошкент, (изд. сведения зависят от издания).

Хожиев А. Ўзбек тили лексикологияси (учеб. пособие/монография). Тошкент, (изд. сведения зависят от издания).

Добровольский Д., Баранов А. (работы по русской фразеологии и коллокаций).